

А. П. ЧЕХОВ
В ВОСПОМИНАНИЯХ
СОВРЕМЕННИКОВ

СБОРНИК

Под редакцией
А. К. КОТОВА

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1 9 4 7

АНТОН ЧЕХОВ НА КАНИКУЛАХ

Семья Чеховых эмигрировала из Таганрога в 1876 году, а Антон Павлович оставался там один до 1879 года, чтобы закончить курс гимназии и получить аттестат зрелости. В те времена в Таганроге никто ни о каких дачах не знал, и все, у кого не было своего хутора или имения, оставались на все лето жариться в городе. Оставались и Чеховы. Их было пять братьев и одна сестра¹, и едва только кончались экзамены, как братья Чеховы вместе со своими одноклассниками и соседскими мальчиками отдавались каникулам в полном смысле этого слова. Благодаря страшным сухим жарам все братья ходили босиком. Спать в комнатах не было никакой возможности, и поэтому все они устраивали на дворе и в садике балаганы, в которых и ночевали. А. П., будучи тогда гимназистом 5-го класса, спал под кущей посаженного им дикого винограда и называл себя «Иовом под смоковницей». Под ней же он писал тогда стихи, хотел сочинить сказку. Я помню только ее начальные строки:

Эй вы, хлопцы, где вы, эй!
Вот идет старик Аггей.
Он вам будет сказать сказку
Про Ивана и Савраску... и т. д.

В то время А. П. вообще предпочитал стихи прозе, как, впрочем, и всякий гимназист его возраста.

В нашем дворе жила старушка С., которая у наших родителей нанимала маленький флигелек. За ее шепе-

лявость А. П. прозвал ее «Шамшой». У этой Шамши была дочь Ираида, гимназисточка, которая, повидимому, очень нравилась будущему писателю. Но ухаживания Антоши проходили как-то по-своему. Однажды, в воскресенье, Ираида, в соломенной шляпке и наряженная как бабочка, выходила из своего флигелька к обедне. А. П. в это время ставил самовар. Когда девочка проходила мимо него, то он что-то сострил на ее счет. Она надула губки и назвала его мужиком. Тогда он со всего размаха ударил ее прямо по шляпке мешком из-под древесного угля. Пыль пошла, как черное облако. Как-то, размечтавшись о чем-то, эта самая Ираида написала в саду на заборе какие-то трогательные стихи. А. П. ей тут же, на заборе, ответил мелом следующим четверостишием:

О, поэт заборный в юбке,
Оботри себе ты губки.
Чем стихи тебе писать,
Лучше в куколки играть.

Вставали в этих шалашах очень рано. Иногда наша мать Евгения Яковлевна² поручала с вечера братьям Антону и Ивану как можно раньше сходить на базар и купить там провизии к обеду. Ходил с ними туда и я, тогда еще маленький приголовишка. Однажды А. П. купил живую утку и, пока шли домой, всю дорогу тербил ее, чтобы она как можно громче кричала:

— Пускай все знают, — говорил он, — что и мы тоже кушаем уток.

На базаре А. П. присматривался к певчим птицам и к голубям, с видом знатока рассматривал на голубях перья и оценивал их. Это, мол, турман, а это — дикарь. Около голубей всегда можно было встретить такого же любителя Еру Дубодогло и поговорить с ним о ловле щеглов и чижей. Были у А. П. и свои собственные голуби, которых он каждое утро выгонял из голубятника вместе с жившим у нас на побегушках мальчуганом, страстным голубятником, Мишкой Чемерисовым. Этот Мишка очень любил слушать проповеди священника и, возвращаясь от богослужения домой, всякий раз принимался сочинять проповеди и сам, причем каждое слово начинал с большой буквы. Писал он необыкновенную

чепуху, и А. П. всегда поощрял его в этом и сам иногда диктовал ему. Когда два наши старшие брата, Александр и Николай, уехали в Москву поступать — один в университет, а другой в училище живописи, Мишка писал им туда проповеди, в которых братья тотчас же угадывали руку Антона. Я помню, что одно из таких писем-проповедей начиналось так: «Братие. Не будьте благомысленны».

Каждый день ходили на море купаться. По дороге заходили за знакомыми, и к морю шла всегда большая компания. Купались обыкновенно на Банном съезде, где берег был настолько отлогий, что для того, чтобы оказаться в воде по шею, нужно было пройти от берега по крайней мере полверсты. Вместе с нами ходили и две черные собаки, принадлежавшие А. П. В воде обыкновенно сидели целыми часами и когда шли обратно, то необыкновенно хотелось пить. По пути, на углу Итальянского пер. и нашей улицы, была палатка, в которой продавали квас, — и было счастьем, когда у кого-нибудь из мальчиков находилась в кармане копейка, так как на копейку продавали целый громадный деревянный ковш, к которому мы припадали одновременно со всех сторон. Кто-нибудь из нас оказывался счастливецом: он возвращался домой с моря с так называемой «болбиркой». Это кусок коры какого-то дерева, из которой местные рыбаки делали обыкновенно на свои сети полавки. Найти на берегу «болбирку» считалось у нас особым расположением судьбы. Кора эта легко резалась по всем направлениям, и счастливец долго сидел потом отдельно от всех и вырезал из нее кораблик или человека. Таким счастливцем не раз бывал и гимназист Антоша.

Часто ходили ловить рыбу, но занимались этим уже с другой стороны, недалеко от гавани, там, где было устроено нечто вроде набережной, грубо сложенной из диких камней. Ловились все больше бычки. Один раз, я помню, поймали по числу дней в году — 365 штук, которых потом засолили, но они испортились и их выкинули. В промежутках между ловлей купались, несмотря на то, что все дно было усыпано острыми камнями. Именно здесь, в одно из таких купаний, А. П. бросился с берега в воду и рассек себе об острый камень лоб. Шрам на левой стороне лба под самыми волосами оставался у

него до самой смерти и даже был внесен в качестве приметы в его паспорт, с которым он приехал в Москву из Таганрога по окончании курса гимназии, чтобы поступать в университет.

Довольно редко ходили гулять в городской сад, который тогда назывался Казенным, и еще реже выезжали за город. Сколько помню, всей семьей выезжали за все мое детство в деревню всего только один раз — это в слободу Криничку. К этой поездке приготавливались долго. Старший брат Александр долго клеил себе из сахарной бумаги шляпу с широкими полями, которой потом испугал лошадь, а брат Николай, будучи пятнадцатилетним мальчиком, добыл себе откуда-то складной цилиндр (шапо-кляк) и задумал ехать в нем. Насмешкам со стороны Антона не было конца. Мамаша Евгения Яковлевна, конечно, напекла и наварила всякой снеди в дорогу. Наняли простого дрогаля, то есть ломового извозчика, Ивана Федорыча, устлали его дроги подушками, одеялами и ковром, и все семеро, не считая самого извозчика, уселись на дроги и поехали: мамаша, сестра Маша, братья — Александр в шляпе из бумаги, Николай в цилиндре, Антон, Иван и я. Даже и не представляю себе теперь, как мы могли разместиться на этих дрогах и ехать целые семьдесят верст туда и семьдесят обратно. И все время Николай сидел в цилиндре, босой и, прищурив один глаз, терпеливо выслушивал от Антона насмешки и название «Косой».

— Косой, дай покурить. Мордокривенко, у тебя есть табак?

Выехали за город, миновали еврейское кладбище, — и перед нами открылся широкий Миусский лиман с церквями на том берегу. Мать истово крестилась на сверкавшие кресты на колокольнях, а нам, молодежи, было не до церквей, так как мы успели намолиться уже и дома. Нас охватило счастье свободы; выжженная уже июльская степь не казалась нам голой, и наше внимание привлекали к себе то птицы, каких мы никогда не видели в городе, то суслики, вылезавшие из норок, становившиеся на задние лапки и с писком и удивлением смотревшие нам вслед. Однако капризы брата Ивана раздражали всех.

— Джигалка, — кричал ему Антон, любивший дазать

каждому прозвание, — ты скоро, свинья этакая, окончишь?

А извозчик Иван Федорыч только покачивал головой и добродушно ворчал:

— Ну, и парнишка... Когда вернемся, всех покатаю, а его не возьму.

Первый привал делали в Самбеке на берегу речки. Распрягли лошадь, варили кашу, закусывали на ковре. Антон и Александр разводили костер, Николай в цилиндре лежал на траве и мечтательно, прищутив глаз, молча смотрел в пространство, а Иван, подсмывая носом, переобувался.

Проехали затем Абросимовку, Мигрину, Чутину и к вечеру, еще до захода солнца, добрались до Кринички. Это было обыкновенное село, в котором при церкви был колодец с очень холодной водой, почитавшейся целебной. Около нее был выстроен барак, в котором этой водой обливались, черпая ее ведрами из колодца. При въезде в Криничку Антон, все время дразнивший Николая за его цилиндр, наконец не выдержал и сбил у него шляпу с головы. Цилиндр попал как раз под колесо и его раздавило так, что с боков повылезли наружу пружины. Тем не менее безропотный Николай подобрал свой головной убор, снова надел его, и так, с пружинами, торчавшими из боков, и продолжал дальнейший свой путь. А в это время Александр кричал, сколько хватало у него сил:

— Эй, дивчина! Пойди скажи батюшке, что архирейская певческая приехала.

Не успели доехать и остановиться у какого-то крестьянина, как Александр и Антон уже достали откуда-то бредень и пошли на реку ловить рыбу. Поймали пять маленьких щучек и около сотни раков, из которых на следующий день мамаша сварила нам превосходный обед.

Целых двое суток провели мы в Криничке, причем не обошлось без происшествия: пропал бредень, которым Антон и Александр ловили рыбу. Пришла баба и наскандалила, очевидно рассчитывая получить отступного. Антон смутился и стал ей доказывать, что после ловли бредень был поставлен обратно на свое место, а Александр, серьезно глядя ей в глаза, нагло говорил:

— Соображаясь с европейской политикой, я могу привлечь вас к ответственности за клевету. Прошу вас не забывать, что я коллежский регистратор.

И странное дело. В то наивное время этих слов было достаточно, чтобы бредень сразу нашелся и чтобы все обошлось как нельзя лучше.

Из Кринички отправились к дедушке в Княжую, верст за двадцать в сторону. Наш дедушка Егор Михайлович был в то время управляющим у графа Платова, сына известного атамана, героя 1812 года. Княжая представляла собою заброшенную барскую усадьбу с большим фруктовым садом при реке. Дедушка и бабушка жили в простой хатке, выстроенной ими специально для себя рядом с большим домом, так что когда мы приехали туда, то нас, мальчиков, поместили в этом доме, где мы никак не могли уснуть от необыкновенного множества блох, несмотря на то, что дом целыми десятилетиями оставался пустым. Сад, а главное простор и полная безответственность перед родителями делали наше пребывание в Княжей счастливым. И все время Антон потешался над Николаем и острил над его цилиндром. Здесь же этот несчастный цилиндр и нашел свою судьбу. Николай не мог расстаться с ним и во время купанья. Голый, в цилиндре, он барахтался в реке, когда Антон подкрался к нему сзади и сбил с него цилиндр. Шляпа свалилась у Николая с головы, упала в реку и, ко всеобщему удивлению, захлебнула воды и... утонула.

В этом же году А. П. тяжело заболел и чуть не отправился к праотцам. Несколько лет подряд у нас жил нахлебником мелкий чиновник коммерческого суда Гавриил Парфентьевич. Днем он служил в суде, а по вечерам играл в клубе на большие ставки, так что лет через десять имел уже своих лошадей, имение и капиталец. У него был брат Иван Парфентьевич, не имевший за душой ни гроша, но счастливо женившийся на богатой, пожилой вдове, имевшей около Таганрога большую усадьбу. Эту Федосью Васильевну А. П. описывал потом не раз в своих произведениях, и она послужила для него прототипом для его Зюзюшки с ее крыжовенным вареньем в драме «Иванов». Этот самый Иван Парфентьевич пригласил к себе погостить Антошу. По дороге в

имение, потный Антоша выкупался в холодной реке и захватил перитонит в самой тяжелой форме.

— Заболел у меня Антоша,— говорил мне потом, лет двадцать спустя, Иван Парфентьевич, с которым я встретился случайно у моей тетушки Марфы Ивановны², — не знаю, что с ним делать. Уж я его завез на еврейский постоялый двор, там мы его с еврейкой и уложили на ночь.

Антошу привезли домой тяжело больным. Как сейчас вижу его бледного, осунувшегося, худого. Около него гимназический доктор Шремпф, который перед каждой фразой говорит с немецким акцентом:

— Антоша, если ты хочешь быть здоров...

Озабоченная мамаша жарит на сковородке льняное семя для припарок и трет миндаль для питья, а я бегаю в аптеку Мельхера, что против памятника Александра I, за пилюлями, на каждой из которых, к моему удивлению, напечатано имя их изобретателя: «Covin, Paris». Уже будучи врачом, А. П. говорил впоследствии, что это совершенно ненужные, рекламные пилюли.

Эта болезнь оставила в А. П. большие воспоминания. Это была первая тяжелая болезнь, какую он испытал в жизни, и именно ей он приписывал то, что уже со студенческих лет стал хворать жестоким гемороем. Постоялый же двор, в который завозил его Иван Парфентьевич; и симпатичные евреи выведены им в «Степи» в лице Моисея Монсеевича, его жены и брата Соломона.

В июле 1876 года семья Чеховых, как я упомянул, эмигрировала из Таганрога в Москву. В Таганроге остался один Антон П-ч, чтобы закончить шестой, седьмой и восьмой классы гимназии, и его жизнь за эти три года осталась для меня неизвестной. За все это время он только один раз приехал к нам в Москву на рождество, отгостил и уехал. Сколько знаю, он проводил свои гимназические каникулы за этот период времени в следующих трех местах: у вышеупомянутого Ивана Парфентьевича, вместе с которым разъезжал по степи по разным делам, вроде продажи Варламову шерсти («Степь»), у его племянника Пети Кравцова³ и у своего приятеля по гимназии В. И. Зембулатова⁴ — впоследствии врача Московско-Курской ж. д.

У нас в Таганроге был свой собственный дом на Конторской улице, выстроенный нашим отцом на пустыре, подаренном ему нашим дедом Егором Михайловичем, жившим в Княжей. Дом этот был выстроен на последние крохи, причем недостававшие пятьсот рублей были взяты под вексель из местного общества взаимного кредита. Поручителем по векселю был некто Костенко, служивший в том же кредите. Долгое время переворачивали этот несчастный вексель, пока, наконец, отцу не пришлось признать себя несостоятельным должником. Костенко уплатил по векселю и предъявил к отцу встречный иск в коммерческом суде. В то время неисправных должников сажали в долговую яму, и отцу нужно было бежать. Но куда? В то время два его старшие сына, Александр и Николай, уже учились в Москве. Ну, конечно — в Москву. Таким образом, благодаря этому векселю, судьбой предрешена была эмиграция всей чеховской семьи в Москву.

Дело о векселе производилось в коммерческом суде. Там же, в этом суде, служил и друг семьи, Гавриил Парфентьевич, и дело устроилось так, что без всяких торгов наш дом был укреплен за ним как за собственником всего только за пятьсот рублей. Таким образом, в наш дом, уже в качестве хозяина, въехал Гавриил Парфентьевич, и последняя связь Чеховых с Таганрогом, к скорби матери, порвалась навеки. Пока происходила эта процедура, Антоша продолжал жить в отцовском доме, да так вместе с ним перешел и к новому владельцу. У Гавриила Парфентьевича был племянник, Петя Кравцов, сын казацкого помещика из Донецкого округа, который готовился к поступлению в юнкерское училище. И вот, за стол и квартиру, Антоша должен был репетировать этого Петю, близко сошелся с ним и полюбил его. Когда наступало лето, то этот Петя приглашал его к себе на хутор, и А. П. впоследствии с восторгом рассказывал мне о своем пребывании в этой чисто американской первобытной семье. Там он научился стрелять из ружья, понял все прелести ружейной охоты, там он выучился гарцовать на безудержных степных жеребцах. Там были такие злые собаки, что для того, чтобы выйти ночью по надобности на двор, нужно было будить хозяев. Там не знали счета домашней птице,

которая настолько дичала, что не давалась в руки, и для того, чтобы иметь курицу на обед, в нее нужно было стрелять из ружья. Там уже начиналась антрацитная и железнодорожная горячка, и уже слышались звуки сорвавшейся в шахте бадьи («Вишневы сад»), строились железнодорожные насыпи («Огни») и катился сам собой оторвавшийся от поезда товарный вагон («Страхи»). Впоследствии, будучи литератором и врачом, А. П. все еще помнил об этом Пете и посылал ему олеографии, которые давались в премии к разным иллюстрированным журналам. Я помню, как Петя прислал ему однажды за это благодарственное письмо, в котором высказывал сожаление, что его родные, получив эти олеографии, «оценили их не по качеству, а по количеству».

Ездил А. П. и к В. И. Зембулатову в усадьбу, как только наступало лето. Любитель давать каждому человеку название, Антоша, еще гимназистом, прозвал этого толстяка Макаром. Так эта кличка и осталась за почтенным доктором до самой его смерти. На вопрос учителя — как по-гречески слово «блаженный», — В. И. вместо «макар» ляпнул «макар» и этим, благодаря Антоше, перекрестил себя для всей гимназии и затем для университета и для жизни. Я очень жалею, что судьба разлучила меня на три года с братом и что эти три года его жизни так и остались неизвестными в его биографии. Впоследствии, уже после смерти А. П., А. С. Суворин рассказывал мне, со слов его самого, следующее: где-то в степи, в чьем-то имении, А. П., будучи еще гимназистом, стоял у одинокого колодца и глядел на свое изображение в воду. Пришла девочка лет пятнадцати за водой. Она так пленила собой будущего писателя, что он тут же обнял ее и стал целовать. Затем оба они еще долго простояли у колодца и смотрели молча в воду. Ему не хотелось уходить, а она совсем позабыла о своей воде. Об этом Чехов, уже будучи большим писателем, рассказывал Суворину, когда оба они разговаривали на тему о параллельности токов и о любви с первого взгляда.

В 1879 году, уже к концу лета, А. П. приехал в Москву поступать в университет, и так и остался в ней совсем. Тогда мы жили очень бедно, в самом настоящем

подвале дома церкви Николая, что в Грачах, нам совсем было не до дач и не до выездов за город на ка-никулы, и А. П., уже студенту, приходилось каждое лето проводить в Москве и не отправляться дальше Бого-родского, Сокольников и других подмосковных дачных поселков, так талантливо осмеянных им в «Пестрых рассказах»⁵. Повидимому, он не чувствовал себя скуч-но летом в душной Москве. Антон Павлович заводил знакомства, входил в литературную среду, интересовался газетами и журналами, был своим человеком в московских редакциях. В этот период он совершил вме-сте с братом Николаем поездку в Таганрог, где они и попали на свадьбу брата нашей тетушки Марфы Ива-новны и даже были шаферами. Удалые, веселые, они разошлись до того, что выбросили в окошко, прямо в снег, нераскупоренное шампанское. Впоследствии тетя рассказывала мне, что весной, когда сошел снег, все эти бутылки нашли в саду невредимыми и роспили по-том за здоровье обоих братьев. Плодом этой поездки была потом большая *in folio* карикатура, рисованная Николаем, с текстом Антоши Ч., помещенная им в жур-нале «Зритель», кажется под заглавием, «Свадебный сезон». Начинается она так: «Господа шафера, черти, подождите, Марья Власовна потерялась...» и т. д.

В 1880 году наш брат Иван Павлович выдержал экза-мен на приходского учителя и получил место в заштат-ном городке Воскресенске, Московской губернии, в одном километре от которого находится знаменитый мо-настырь Новый Иерусалим⁶, составляющий точную ко-пию с подлинного иерусалимского храма в Палестине. Во всем этом городе было всего только одно учебное заведение — приходское училище, которым и стал за-ведывать Иван Павлович. Попечителем этого училища был знаменитый сукощик Цуриков, который не пожа-лел средств на его сооружение, и у Ивана Павловича оказалась вдруг просторная, хорошо обставленная квар-тира, рассчитанная не на одинокого холостого юношу-учителя, а прямо на целую семью. Для Чеховых, жив-ших тогда тесно и бедно, это было чистой находкой. Едва только у Миши и у Маши кончались экзамены, как Евгения Яковлевна уже ехала с ними в Воскресенск на подножный корм и проживала там до самого начала

учения. В Воскресенске тогда стояла батарея («Три сестры»), которой командовал полковник Маевский. С первого же появления своего в этом городке Иван Павлович был приглашен к Маевскому давать уроки его девочкам Ане и Соне, у которых был еще маленький братишка Алеша («Детвора»). Кроме этой семьи, которая давала тон всей жизни в Воскресенске, здесь постоянно проживал еще известный автор проекта введения земских соборов П. Д. Голохвостов⁷ и его жена Ольга Андреевна, драмы которой шли в Малом театре в Москве. Поручик батареи Е. П. Егоров был близким приятелем братьев Чеховых и упомянут А. П. в его рассказе «Золотая ко-са». Впоследствии этот Е. П. Егоров вышел в отставку и был земским начальником в Нижегородской губернии, куда в 1892 году к нему ездил А. П., и оба они принимали там участие в борьбе с голодом и в обеспечении крестьян рабочими лошадьми.

Еще будучи студентом, А. П. наезжал летом в Воскресенск, где с первых же шагов нашел порядочный круг знакомых. Высокий, в черной крылатке и широкополой черной шляпе, он принимал участие в каждой прогулке, а гуляли большими компаниями и каждый вечер, причем дети гурьбой бежали далеко вперед, а взрослые шли позади и вели либеральные беседы на злобы дня.

Тогда же, начиная с 1881 года, А. П. стал участвовать в приеме больных в Чикинской земской больнице, находившейся километрах в двух от Воскресенска, которою заведывал известный в то время земский врач П. А. Архангельский⁸. Павел Арсентьевич был очень общительным человеком, и около него всегда собиралась для практики медицинская молодежь, из которой многие сделались потом врачебными светилами. Там А. П. познакомился с В. Н. Сиротининым⁹, Д. С. Таубер¹⁰, М. П. Яковлевым¹¹. Часто после многотрудного дня вся эта молодежь собиралась у одинокого Архангельского, и создавались вечеринки, на которых говорилось много либерального и обсуждались выдающиеся произведения тогдашней беллетристики и научной литературы. Салтыков-Щедрин не сходил с уст — им положительно бредили. Тургеневым зачитывались.

В 1884 г. А. П. окончил курс в университете и явился

в Чикинскую больницу на практику уже в качестве врача. Здесь-то он и почерпнул сюжеты для своих рассказов «Беглец», «Хирургия» и др., а знакомство с воскресенским почтмейстером Андреем Егорычем дало ему тему для рассказа «Экзамен на чин».

В том же году, в середине лета, А. П., прихватив и меня с собой, отправился в Звенигород, уже в качестве заведующего тамошней больницей на время отпуска ее врача С. П. Успенского. Вот тут-то А. П. пришлось окунуться в самую гущу провинциальной жизни. Кроме лечения больных в земской лечебнице, он исполнял еще и должность уездного врача, уехавшего жениться, а постому обязан был выезжать с судебным следователем на вскрытия, исполнять поручения местной администрации и быть экспертом в суде. Именно здесь был дом, в котором помещались сразу все правительственные учреждения и о котором один из героев Чехова говорит: «Здесь и полиция, здесь и милиция, здесь и юстиция — совсем институт благородных девиц». Звенигородские впечатления дали Чехову темы для рассказов «Мертвое тело», «Сирена» и др.

В двадцати пяти верстах от Воскресенска, в котором учительствовал И. П., находится Павловская слобода, в которой стояла артиллерийская бригада. К этой бригаде принадлежала и та батарея с Маевским во главе, которая квартировала в Воскресенске. По какому-то случаю в Павловской слободе был бригадный бал, на котором, само собой разумеется, должны были присутствовать и офицеры из Воскресенска. Поехал туда с ними и И. П. Каково же было его удивление, когда по окончании бала все эти офицеры решили заночевать в Павловской слободе, а ему с утра уже нужно было открывать свое училище. К тому же была зима и отправиться домой пешком было невозможно. На его счастье, из офицерского собрания вышел один из приглашенных гостей, которому тут же была подана тройка. Увидев на крыльце собрания беспомощного И. П., человек этот предложил ему место около себя и довез его до Воскресенска, а сам поехал далее. Это и был А. С. Киселев, живший в Бабкине, в пяти километрах от Воскресенска, племянник известного парижского посла и господаря Молдавии графа П. Д. Киселева, основавшего

в России министерство государственных имуществ. Алексей Сергеевич Киселев был женат на дочери известного тогда московского красавца и директора тогдашних императорских театров В. П. Бегичева — Марии Владимировне¹². У них были дети — Саша (девочка) и Сережа, ставшие впоследствии друзьями Антона Чехова, для которых он написал свою шутку с иллюстрациями «Сапоги всмятку». Познакомившись за дорогу с И. П., А. С. Киселев пригласил его к себе в репетиторы — так и сложилась связь чеховской семьи с Бабкиным и его обитателями. Началась она с того, что наша сестра Маша познакомилась через И. П. с Киселевыми и, сблизившись с Марией Владимировной, стала гасить в Бабкине, а затем с весны 1885 года и вся семья Чеховых переехала туда на дачу.

Как уже писалось не раз, Воскресенск и Бабкино сыграли выдающуюся роль в развитии дарования Антона Чехова. Не говоря уже о действительно очаровательной природе, где к услугам дачников были и большой английский парк, и река, и леса, и луга, а из Воскресенска, из Нового Иерусалима, доносился бархатный звон колокола, — и самые люди собрались в Бабкине точно на подбор. Получались решительно все толстые журналы: Киселевы были очень чутки ко всему, что относилось к искусству и литературе; В. П. Бегичев так и сыпал воспоминаниями, знаменитый в свое время тенор М. П. Владиславлев пел модные романсы, а Е. А. Ефремова каждый вечер знакомила с Бетховеном и другими великими музыкантами. Тогда композитор П. И. Чайковский, только что еще начавший входить в славу, занимал бабкинские умы. Мария Владимировна Киселева рассказывала удивительные истории. Между прочим, рассказом «Смерть чиновника» Антон Чехов обязан случаю, рассказанному В. П. Бегичевым и действительно имевшему место в московском Большом театре. «Налим» происходил в натуре — при постройке купальни, «Дочь Альбиона» — мисс Матьюз, гувернантка приезжавших в Бабкино гостей. «Недоброе дело» и «Ведьма» навеяны одинокой церковью с сторожкой, стоявшей на большой дороге в дарагановском лесу.

Поразительно, что Бабкино сыграло выдающуюся роль и в художественном развитии творца школы рус-

ского пейзажа И. И. Левитана. Верстах в трех от Бабкина, по ту сторону реки, на большой Клинской дороге, находилась деревня Максимовка. В ней жил горшечник Василий, горький пьяница, пропивавший буквально все, что добывал, и не было времени, когда бы его жена не ходила брюхатой. Совершенно независимо ни от кого, художник Левитан отправился летом на этюды и поселился у этого горшечника. Как известно, на Левитана находили иногда припадки меланхолии. В таких случаях он брал ружье и уходил на неделю или на две из дому, пропадал неизвестно где и не возвращался до тех пор, пока жизненная радость не осеняла его снова. Или же он сидел, мрачный и молчаливый, дома, в четырех стенах, и ни с кем не общался, или же, как дух изгнанья, скрестив на груди руки и повесив голову, блуждал в одиночестве невдалеке.

Случилось так, что дождь лил несколько дней подряд, унылый, тоскливый, упорный как навязчивая идея. Пришла из Максимовки жена горшечника пожаловаться на свои болезни и сообщила, что ее жилец Тесак (Исаак) Ильич захворал. Для Чеховых было приятным открытием, что Левитан находился так близко от Бабкина, и А. П. захотелось его повидать. Мы уже отужинали, дождь лил как из ведра, в большой дом (к Киселевым) мы не пошли, и предстоял длинный вечер у себя во флигеле.

— А знаете что, — вдруг встрепенулся А. П., — пойдемте к Левитану.

Мы — А. П., брат Иван и я — надели большие сапоги, взяли с собой фонарь и, несмотря на тьму крошечную, пошли. Спустились вниз, перешли по лавам через речку, долго шлепали по мокрым лугам и затем по болоту и, наконец, вошли в дремучий дарагановский лес. Было дико в такую пору видеть, как из мрака к фонарю протягивались лапы столетних елей и кустов. А дождь лил как из ведра. Но вот и Максимовка. Отыскали избу горшечника, которую узнаем по битым вокруг нее черепкам, и, не постучавшись и не окликнув, вламываемся к Левитану, чтобы сделать ему сюрприз, и направляем на него фонарь.

Левитан вскакивает, хватается револьвер и наводит его на нас. А затем, узнавши нас, он хмурится от света и говорит:

— Чорт знает, что такое... Какие дугаки. Таких еще свет не прогонял...

Мы посидели у него, посмеялись, А. П. острил много, и благодаря нам развеселился и Левитан.

А несколько времени спустя он переселился к нам в Бабкино и занял отдельный маленький флигелек. Один из бабкинских обитателей по этому поводу написал стихи:

А вот и флигель Левитана,
Художник милый здесь живет,
Встает он очень-очень рано
И, вставши, тотчас чай он пьет.

А. П. написал вывеску и прибил ее над дверью флигелька: «Ссудная касса купца Левитана».

Такую экскурсию, какую мы совершили в Максимовку, можно было предпринимать только будучи молодыми и очень веселыми.

В Бабкине А. П. прожил три лета подряд, в 1885—86 и 87 годах. Здесь он написал все свои самые веселые, самые жизнерадостные вещи, которые помещал в «Осколках» и в «Петербургской газете». Писал он на маленьком столике на чугунных ножках, сделанном из подставки под ножную швейную машину. Его талант развертывался во всю свою ширь, и Чехов шел быстрым шагом к славе. Между тем и слава его как врача распространялась вокруг Бабкина по радиусу по меньшей мере верст в пятнадцать. К нему съезжались и сходились больные со всех окрестных деревень, так что у нас образовалось нечто вроде амбулатории с целой аптекой, причем отпускать и развешивать лекарства, а также варить сложные мази лежало на моей обязанности. А. П. как врача не щадили даже по ночам. Один раз за ним приехали из Карцева, за двенадцать верст, в грозовую ночь; он захватил с собой и меня, и мы оба, в первый раз в жизни, проезжая мимо болота, собственными глазами видели блуждающие огни.

В марте 1888 года у А. П. на Кудринской-Садовой заговорили о даче. В Бабкино ехать уже не хотелось, ибо ему нужны были новые места и новые сюжеты, и он стал даже поговаривать о Святых горах Харьковской губернии и о дачах в Карантине близ Таганрога. Но в это время на помощь явился А. И. Иваненко¹³. Хохол,

уроженец города Сумы, он схватился обеими ладонями за щеки и, покачивая головою с боку на бок, стал с увлечением расхваливать свою родину и советовать А. П. поехать на дачу именно туда. Он указал при этом на местных помещиков Линтваревых¹⁴, живших около Сум, на Луке. А. П. попросил его списаться с ними, и вскоре был получен от них благоприятный ответ. Таким образом, вопрос о поездке в Украину был решен, хотя и не окончательно, так как А. П. не решался еще сразу нанять дачу заглазно и ехать так далеко всюю семьей, без более точных сведений как о самой даче, так и об ее владельцах Линтваревых.

В это время я был студентом третьего курса. Заработав перепиской лекций и печатанием рассказов в детских журналах, как теперь помню, восемьдесят два рубля, я решил прокатиться на юг, в Тагаирог и в Крым, и возвратиться оттуда прямо на север. Решения ехать в Украину я не одобрял, так как очень привык к Бабкину и нежно привязался к его милым обитателям. Когда я выезжал 17 апреля из Москвы, то А. П. обратился ко мне с просьбою свернуть от Курска к Киеву и, доехав до Ворожбы, снова свернуть на Сумы, побывать у Линтваревых, осмотреть там дачу на Луке, познакомиться, сообразить, что и как, и обо всем подробно ему отписать.

Эта поездка не входила в мои планы, тем не менее я туда поехал.

После щегольского Бабкина с его английским парком, цветами и оранжереями Лука произвела на меня жалкое впечатление. Усадьба была запущена, посреди двора стояла лужа, в которой с наслаждением валялись громадные свиньи и плавали утки, сад походил на запущенный лес, да еще в нем находились могилки покойников-предков Линтваревых; сами Линтваревы, считавшие себя либералами, увидевши на мне студенческий мундир с ясными пуговицами, отнеслись ко мне как к консерватору. Одним словом, мое первое знакомство с Лукой оказалось не в ее пользу. Так я и писал Антону с дороги, советуя ему не очень торопиться с переездом на лето в Сумы.

Но пока я гостил в Таганроге да пока ездил в Крым, А. П. все-таки снял дачу у Линтваревых на Луке и с

первых же чисел мая переехал туда с матерью и сестрой.

Возвратившись с юга, я застал у А. П. поэта А. Н. Плещеева. Старик приехал к нему гостить из Питера, что при его преклонных годах можно было назвать настоящим подвигом. Все обитатели Луки носились с ним, как со святыней, — тут-то я и увидел всех Линтваревых и самую Луку в их настоящем виде.

Вот как А. П. сам охарактеризовал Луку: «Живу я на берегу Псла, во флигеле старой барской усадьбы. Нанял я дачу заглазно, наугад, и пока еще не раскаялся в этом. Река широка, глубока, изобильна островами, рыбой и раками... Берега красивы, зелени много... Природа и жизнь построены по тому шаблону, который теперь так устарел и бракуется в редакциях; не говоря уж о соловьях, которые поют день и ночь, о лае собак, который слышится издали, о старых запущенных садах, о забитых наглухо очень поэтичных и грустных усадьбах, в которых живут души красивых женщин, не говоря уж о старых, дышащих на ладан лакеях-крепостниках, о девицах, жаждущих самой шаблонной любви. Недалеко от меня имеется даже такой заезженный шаблон, как водяная мельница (о 16 колесах) с мельником и его дочкой, которая всегда сидит у окна и, по видимому, чего-то ждет. Все, что я теперь вижу и слышу, мне кажется давно уже знакомо по старинным повестям и сказкам» (к А. С. Суворину, 30 мая 1888 г.).

Семья Линтваревых состояла из предобрейшей старушки матери и пяти ее взрослых детей: две дочери были врачами, третья — бестужевка; один сын был серьезным пианистом, другой — политическим изгнанником из университета. Все они были необыкновенно добрые люди, ласковые, отзывчивые и, я сказал бы, не особенно счастливые. Приезд к ним А. П., а с ним вместе и разных знаменитостей вроде А. П. Плещеева, которому они привыкли поклоняться еще в дни своего студенчества, по видимому, пришелся им по вкусу. Установились превосходные отношения, которые пережили Луку на многие годы. Как и в Бабкине, и здесь преобладали музыка и разговоры о литературе, в особенности когда на Луку приехал, тоже на дачу, виолончелист М. Р. Семашко¹⁵ и побывали А. С. Суворин

и К. С. Баранцевич¹⁶. Ловили рыбу и раков, ездили на челнах к мельнице и по ту сторону реки. А. П. много писал, но жизнь в Украине почему-то не давала ему столько тем, как в предшествовавшие годы в Бабкине: он интересовался ею только платонически. Если не считать старого крепостного лакея Григория Алексеевича, который навезл ему собою Фирса в «Вишневом саду», да двух-трех заметок в записной книжке, вроде «Липовая аллея из пирамидальных тополей», и «Черкесский князь ехал в малиновом шербете в открытом фельетоне», какими подарила нас гостившая на Луке учительница Лидия Федоровна, то Лука в литературном отношении не дала Чехову ничего. Он писал здесь на уже готовые, привезенные им с собою с севера темы, и окружающую его жизнь наблюдал только этнографически.

В первый же год пребывания на Луке, в середине лета, А. П. отправился гостить к А. С. Суворину в Феодосию. Там, совместно с его сыном Алексеем Алексеевичем, он разработал обширный план поездки в Среднюю Азию и в Персию, и в июле оба они отправились в путь. Они поехали вдоль кавказского побережья до Батума, и А. П. писал оттуда восторженные письма: «Я в Абхазии» и т. д. Именно по пути в Батум чуть не случилось столкновение двух пароходов — «Дира», на котором ехал Чехов, и английского «Твиди». Но путешествию в Среднюю Азию не суждено было осуществиться, так как по пути получилась из Феодосии телеграмма, что неожиданно скончался другой сын Суворина, и попутчику А. П. необходимо было спешно вернуться домой. Доехав только до Баку, оба путника вернулись в Тифлис, затем отправились по Военно-Грузинской дороге на север, расстались в Тихорецкой, и далее А. П. уже один поехал в Сумы, на Луку. Но как ни мало результатна была эта поездка Чехова, она дала тем не менее ему, хотя и отдаленный, материал для будущей повести «Дуэль».

В это же лето А. П. совершил две поездки в самую глубь Украины, в июне и в августе, с целью купить себе там хутор. Он отправился в Миргородский уезд, туда, «где неистовствовал Ноздрев и где Иван Иванович поспорил с Иваном Никифоровичем». Обе эти поездки

были совершены на лошадях четвериком, в большом старинном экипаже, через Межиричи, Рашевку, Сары и Бакумовку в Сорочинцы, где родился Гоголь и где наводила на всех ужас «Красная свитка». Во второй поездке участвовал и я, и она никогда не изгладится из моих воспоминаний. На А. П. она произвела тоже сильное впечатление, о чем он тогда же писал А. Н. Плещееву. Вернулись мы обратно на Луку уже по железной дороге, через Кременчуг, Полтаву и Люботин.

Приезжал на Луку гостить П. М. Свободин¹⁷ — тогда артист Александринского театра. Он сразу же завоевал всеобщие симпатии и стал там своим человеком. Он был неистощим на выдумки, и случалось даже видеть, как на берегу Псла он стоял с удочкой и ловил рыбу или раков, нарядившись во фрачную пару, крахмальные воротнички, белые перчатки и цилиндр. Целой компанией ездили в соседний городишко Ахтырку, где, чтобы смутить прислугу в гостинице, П. М. Свободин разыгрывал графа, а А. П. его камердинера и подобострастно называл его «вашим сиятельством».

Следующее лето (1889 года) Чеховы опять провели на Луке, но уже не так весело и жизнерадостно, как это было до сих пор. Их семью посетило несчастье: умер брат А. П. — художник Николай, и до сих пор лежит на мирном Лучанском кладбище¹⁸. Смерть его застала А. П. врасплох, когда вместе с братом Иваном он опять, в третий раз, отправился на лошадях в те же Сорочинцы смотреть продававшийся хутор. Едва он приехал туда, весь промокший от дождя, как ему уже подали мою телеграмму о смерти брата, так что пришлось сразу же, не отдохнувши, ехать обратно на похороны. И в этот второй год приезжал на Луку П. М. Свободин, но чувствовалось уже не то, и ясно было, что в А. П. происходило что-то роковое. Он спешил с покупкой хутора, а между тем и в его здоровье произошла перемена к худшему, и когда мы вернулись затем к осени в Москву, то я стал слышать через дощатую перегородку, разделявшую наши спальни, тяжелые припадки утреннего кашля.

В этом году я кончил курс в университете, и, отчасти благодаря моим лекциям по уголовному праву и

судопроизводству, А. П. стал собираться на Сахалин. Он готовился к этой поездке осень, зиму и часть весны и 20 апреля 1890 года отправился на Дальний Восток. Мы остались сиротами, одни.

Таким образом, 1890 год прошел для Антона Чехова вовсе без каникул.

В его отсутствие я получил место в городе Алексине, Тульской губернии, на высоком берегу Оки. Это был жалкий городишко, всего только с семьями жителей, но окрестности вокруг него были очаровательны. Вид с кручи, с того места, где находится собор, вниз на Оку, на протянувшийся через нее, как кружево, железнодорожный мост, на поселок с лесопилками, развернувшийся на той стороне, а главное, на Калужскую губернию с большой дорогой, обсаженной березами, и рядом с ней на железнодорожное полотно, в особенности когда взбирался на гору поезд, подталкиваемый сзади вторым локомотивом, — был несравним ни с чем. По ту сторону, у станции, на лужку, некто Ковригин выстроил три дачки. Из одной был виден весь железнодорожный мост и круто поднимавшийся противоположный берег. И глядя на нее с этого высокого берега зимою 1890 года, я даже и в воображении не имел, что мы, Чеховы, будем жить в ней всей семьей.

Весною 1890 г. А. П. отправился на остров Сахалин. Он возвратился оттуда 8 декабря того же года. После грандиозного путешествия жизнь в Москве сразу же показалась А. П. мизерной и неинтересной, а потому и неудивительно, что в начале марта он махнул вместе с А. С. Сувориным за границу. До этого он еще ни разу не был в Западной Европе, и она поразила его во всех отношениях: он увлекался в ней и культурностью, и природой, и городами. Он посетил «голубоглазую» Венецию, Рим, Неаполь. В Неаполе он побывал на самом кратере Везувия. Затем он отправился в Париж, вкусил все его премудрости. Был в Биаррице и видел там бой быков, что послужило для него добавлением к тем тяжелым впечатлениям, которые он испытал на Сахалине, присутствуя при телесных наказаниях, которым подвергали каторжных. Тем не менее эта поездка произвела на А. П. очень большое впечатление и послужила для него именно тем каникулярным отдыхом, который

умели ценить разве только одни гимназисты после многих трудных экзаменов по греческому языку и по латыни.

А тем временем подкрадывался уже май 1891 года, когда необходимо было подумывать о возвращении на родину и о даче, так как нельзя же было прожить все лето в Москве.

И вот мне было поручено найти дачу под Алексином во что бы то ни стало. Так я и получил директиву — «во что бы то ни стало». Мои поиски оказались безрезультатными, а время не ждало, так как А. П. ехал уже в Россию; и я снял одну из тех жалких ковригинских дач у железнодорожного моста на берегу Оки, о которых писал выше.

Первого мая А. П. был уже в Москве, а 3-го в Алексине. Конечно, дача моя ему не понравилась, так как при ней не было даже забора, а стояла она одиноко у опушки леса; было вообще неуютно и невесело, и к тому же с первого же дня задул такой ветер, что не хотелось выходить на воздух. У нашей сестры Марии Павловны была подруга Лидия Стахиевна Мизина, очаровательная девушка, которую сестра в шутку представляла так: «Подруга моих братьев и моя». И действительно, эта Лидия Стахиевна, или, как все мы ее звали, Лика, была нашим лучшим другом. Я не скажу, чтобы кто-нибудь из нас, братьев, пылал к ней, но нам было с нею весело, и мы без нее скучали. Она обладала необыкновенным даром понимать шутки и отвечать на них еще более острыми и более удачными шутками. Она никогда не хныкала, не жаловалась и всегда была весела, хотя мы и знали отлично, как иногда тяжело ей приходилось в жизни. Когда она приезжала к нам, то у нас все оживало, и даже отец наш Павел Егорович подсаживал ее к себе и угощал настоячкой из березовых почек.

Поселившись на даче под Алексином, тотчас же выписали Лику. Она приехала к нам на пароходе, через Серпухов, вместе с Левитаном и, откровенно говоря, нам некуда было их обоих положить. Начались смехи, неистощимые остроты А. П., влюбленные вздохи Левитана.

Вообще у нас на берегу Оки сразу как-то повеселело. А то угрюмость дачи и беспрестанный ветер сразу

понизили у всех нас настроение — и больше всех мучился я.

Вместе с Ликой и Левитаном ехал на пароходе молодой человек в поддевке и в больших сапогах, оказавшийся местным помещиком, некто Е. Д. Былим-Колосовский¹⁹. Они познакомились. Узнав от Лики, что она едет к Чеховым, которые поселились на даче у железнодорожного моста, Колосовский принял это к сведению, потому что не прошло и двух дней, как он уже прислал за нами две тройки, приглашая нас к себе. Мы поехали. Это было так провинциально и забавно, а главное — загадочно, так как этого Колосовского мы, Чеховы, не видали в глаза. Но путешествие вышло довольно интересное. Проехав верст десять — двенадцать, мы увидели себя в великолепной запущенной барской усадьбе Богимове, с громадным каменным домом, в котором останавливалась еще Екатерина II, когда ехала к Потемкину на юг, с бесконечными липовыми аллеями, уютной рекой, прудами, водяной мельницей и пр. и пр. Комнаты в доме были так велики, что эхо повторяло слова. В гостиной были колонны. В зале — хоры для музыкантов. Кончилось дело тем, что, побывав в Богимове, А. П. уже писал 17 мая той же Лике, возвратившейся от нас в Москву, следующие строки: «Золотая, перламутровая и фильдекосовая Лика... мы оставляем эту дачу и переносим нашу резиденцию в верхний этаж дома Колосовского, того самого, который напоил Вас молоком и при этом забыл угостить Вас ягодами»; и 18 мая А. С. Суворину: «Ликуй ныне и веселися, Сионе!.. Я познакомился с неким помещиком Колосовским и нанял в его заброшенной, поэтической усадьбе верхний этаж большого каменного дома. Что за прелесть, если бы Вы знали. Комнаты громадные, как в благородном собрании, парк дивный, с такими аллеями, каких я никогда не видел, река, пруд, церковь для моих стариков и все, все удобства». И 20 мая ему же: «Я перебрался на другую дачу. Какое раздолье! Комнаты громадные. Когда мы устанавливали мебель, то утомились от непривычного хождения по громадным комнатам. Прекрасный парк, пруд, речка с мельницей, лодка — все это состоит из множества подробностей, просто очаровательных».

В Богимове мы уже застали «готовых» дачников. Это были: В. А. Вагнер — впоследствии известный профессор зоологии²⁰, живший там с женой и тетушкой, и семья тоже известного художника, академика А. А. Киселева²¹, которая состояла из премилых детей-подростков, угощавших А. П. спектаклями из ими же инсценированных его рассказов. Сам А. А. Киселев был в начале лета на этюдах на Кавказе, но вскоре возвратился в Богимово. Таким образом, в интеллигентной компании недостатка не было, и жизнь протекала далеко не скучно.

А. П. занимал в Богимове бывшую гостиную — громадную комнату с колоннами и с таким невероятных размеров диваном, что на нем можно было усадить рядом человек двенадцать. На этом диване он спал. Когда ночью проносилась гроза, то от ярких молний вспыхивали все громадные окна, так что становилось даже жутко. Каждое утро А. П. поднимался чуть свет, часа в четыре, поднимался вместе с ним и я спозаранку и варил кофе в специально привезенном мною из Тулы двухэтажном кофейнике. Напившись кофе, А. П. усаживался за работу, причем всегда писал не на столе, а на подоконнике, то и дело поглядывая в парк. Писал он свою повесть «Дуэль» и приводил в порядок сахалинские материалы, что действительно представляло собою «каторжную работу». Работал он, не отрываясь, до одиннадцати часов, после чего ходил в лес за грибами, ловил рыбу или расставлял верши. В час дня мы обедали, причем на моей обязанности лежало приготовить к обеду какую-нибудь вкусную горячую закуску, о чем всегда просила меня мать, — и я изошрялся на все лады и достиг такого совершенства, что из меня выработался потом довольно сносный и изобретательный кулинар. И сам А. П. настолько привык в Богимове к моему творчеству, что всякий раз, выходя к столу, обращался ко мне с вопросом:

— Миша, нет ли у тебя чего-нибудь такого-этого подзакусить?

После обеда А. П. ложился спать, а затем снова принимался за работу и не отрывался от нее до самого вечера. Вечером же начинались дебаты с зоологом В. А. Вагнером на темы о вырождении, о праве сильного, о

подборе и т. д., легшие в основу философии фон Корена в «Дуэли».

Этим я заканчиваю каникулы Антона Чехова. Богимову было суждено остаться последней дачей А. П., так как в следующем 1892 году он уже приобрел свое собственное имение Мелихово, и его дачные «мытарства» окончились. Теперь лето и зима соединились для него вместе, и сельская жизнь, о которой он всегда так мечтал, приняла его в свои объятия сразу на целые годы и продолжалась до тех пор, пока болезнь не заставила его бросить север и переселиться на постоянное жительство в Крым.

М. П. ЧЕХОВ. «АНТОН ЧЕХОВ НА КАНИКУЛАХ»

Воспоминания Михаила Павловича Чехова (1865—1936) воспроизводятся по тексту, опубликованному в «Чеховском сборнике», изд. «Об-ва А. П. Чехова и его эпохи», М. 1929.

¹ Пять братьев и одна сестра (Чеховы) — Александр Павлович (1855—1913), газетчик, журналист, беллетрист и редактор; Николай Павлович (1858—1889), художник-иллюстратор и карикатурист; Антон Павлович (1860—1904), писатель; Иван Павлович (1861—1921), педагог; Михаил Павлович (1865—1936), юрист и писатель; Мария Павловна (р. 1863 г.), педагог, художница.

² *Морозова* Марфа Ивановна, тетка А. П. Чехова со стороны матери.

³ *Кравцов* Петя, сын помещика из Донского округа. Его репетировал Чехов.

⁴ *Зембулатов* Василий Иванович (1857—1908), товарищ А. П. Чехова по гимназии и университету.

⁵ «Пестрые рассказы», сборник рассказов Ант. П. Чехова, изд. журналом «Осколки» в 1886 году.

⁶ Монастырь «Новый Иерусалим» — памятник русского зодчества и декоративного искусства XVII—XVIII вв.; разрушен немецкими захватчиками.

⁷ Голохвостов Павел Дмитриевич (1839—1892), писатель.

⁸ Архангельский Петр Арсентьевич, главный врач Чикинской больницы, где Чехов студентом проходил практику. Его воспоминания о Чехове опубликованы в кн. Ю. Соболева, Антон Чехов. Неизданные страницы, М. 1916 г.

⁹ В. Н. Сиротинин, врач, впоследствии профессор Военно-медицинской академии.

¹⁰ Д. С. Таубер, студентка, впоследствии врач Московского губернского земства.

¹¹ М. П. Яковлев, врач, впоследствии главный доктор Московской Мариинской больницы.

¹² Киселева Мария Владимировна (ум. в 1921 г.), дочь В. П. Бегичева, драматурга, директора московских казенных театров, жена А. С. Киселева, детская писательница.

¹³ Иваненко Александр Игнатьевич, сотрудничал в журн. «Будильник» под псевдонимом Юс. Малый, друг семьи Чеховых.

¹⁴ Линтваревы, — владельцы усадьбы близ Сум, где Чехов жил летом в 1888 и 1889 гг.; характеристику всего семейства Линтваревых Чехов дал в письме к Суворину от 30 мая 1888 года («Письма Чехова», т. II).

¹⁵ Семашко Мариан Ромуальдович, виолончелист московского Большого театра, приятель братьев Чеховых.

¹⁶ Баранцевич Казимир Станиславович (1851—1927), писатель.

¹⁷ Свободин Павел Матвеевич (Козненко) (1850—1892), артист Александринского театра в Петербурге.

¹⁸ Николай Павлович Чехов похоронен на Луке, близ Сум.

¹⁹ Былим-Колосовский Евгений Дмитриевич — владелец усадьбы Богимово в десяти км от г. Алексина, где Чехов жил летом 1891 года. Чехов описал его в рассказе «Дом с мезонином».

²⁰ Вагнер Владимир Александрович (1849— ?), профессор-зоолог. Чехов жил с ним на даче в Богимове и совместно написал фельетон «Фокусники».

²¹ Киселев Александр Александрович (1838—1911), художник, академик, активный участник Товарищества передвижных выставок, сотрудник журнала «Артист».